

Ominayashi

*Город, где дождь
умеет ждать*

Ominayashi Ominayashi

Город, где дождь умеет ждать

<https://litres.ru/74542889>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Город, где дождь умеет ждать» — петербургская сказка об одиночестве, тоске и связи, которую чувствуют раньше, чем узнают о ней.

Эми работает в маленькой книжной лавке на Васильевском. Крис чинит вещи в полуподвале на Петроградской стороне. Их разделяет река, мосты и серый город, который умеет мешать тем, кто торопится. Но у Эми есть кот Липа, слышащий эмоции как звуки, а у Криса — пёс Гвоздь, видящий их как цвета. Липа ищет недостающую ноту, Гвоздь — недостающий рыжий цвет. Эти двое чувствуют друг друга через весь город и по ночам договариваются: завтра хозяева встретятся. Город снова и снова мешает — велосипедист, грузовик на мосту, внезапный ливень, — пока случайные карманные часы с адресом мастерской не приводят Эми к Крису. Часы в мастерской начинают тикать все разом, и одиночество, которое каждый носил в себе, заканчивается.

Рассказ — о том, что иногда мироздание говорит на языке котов и собак, и его послание простое: ты не один, просто дождись.

Ominayashi

Город, где дождь умеет ждать

Город, где дождь умеет ждать

Глава первая. Кот, который слышал тоску

В северном городе, где гранитные набережные помнят больше, чем готовы рассказать, жила девушка по имени Эми. Она работала в маленькой книжной лавке на Васильевском острове — той самой, мимо которой все проходят, но в которую почти никто не заходит. Лавка называлась «Тихий том», и название было, по сути, полным описанием: томов было немного, и все они вели себя тихо.

Над дверью висел колокольчик, но не звонил. Он разучился звонить лет десять назад, в одну из тех ночей, когда Нева поднималась так высоко, что вода чувствуется даже в воздухе, и всё вокруг делается мягким, как мокрая бумага. С тех пор колокольчик просто качался, когда дверь открывалась, и издавал звук, похожий на тихий вздох — будто кто-то хотел сказать что-то важное, но передумал.

У Эми был кот. Звали его Липа.

Нет, не потому что он был липовым, фальшивым или ненастоящим. Просто в тот день, когда Эми нашла его —

крошечного, мокрого, спрятавшегося под корнем старой липы на углу Среднего проспекта и Восьмой линии, — город пах цветением, и это показалось ей знаком. Хотя она не верила в знаки. Или верила, но делала вид, что нет.

Липа был рыжим с белыми лапками, словно он ступал по молоку. Но необычным в нём было не это. Липа слышал эмоции.

Не в том вульгарном смысле, в каком о таком пишут в дешёвых книжках про животных-телепатов — мол, кот чувствует, когда хозяину грустно, и приходит утешить. Нет. Липа именно *слышал*. Для него эмоции звучали. Грусть была низким, медленным гулом, похожим на далёкий корабельный гудок в тумане. Радость — короткими серебряными колокольчиками. Тоска — протяжным, никуда не ведущим звуком, как будто кто-то проводит мокрым пальцем по краю бокала, и звук не заканчивается, и не заканчивается, и не заканчивается.

Эми этого не знала. Она думала, что Липа просто ласковый кот, который любит спать у неё на груди, когда ей плохо. На самом деле Липа приходил, потому что звук её тоски был единственным, что заглушало его собственный.

Потому что у Липы была своя тоска. Он тосковал по чему-то, чего никогда не имел. По какому-то звуку, которого ему не хватало. Ноте, которая однажды дополнит его внутреннюю мелодию и сделает её целой.

Он не знал, что это за нота.

Но он узнал бы её, если бы услышал.

Глава вторая. Пёс, который видел настроение

На другом конце города — в том месте, где Петроградская сторона переходит из нарядной в скучную, а скучная — в промзону, из которой виден Финский залив, — жил Крис.

Крис чинил вещи. Не какие-то определённые вещи — любые. Тостеры, зонты, стулья, а иногда и то, чему названия не существовало: странные механизмы, принесённые пожилыми людьми, которые говорили: «Это делал мой дед, я не знаю, как оно работает, но оно было мне дорого». Крис не всегда мог починить. Но всегда старался. И вещь, даже сложенная, возвращалась к хозяину с ощущением, что о ней кто-то позаботился.

Мастерская Криса находилась в полуподвале, куда солнце заглядывало только в три часа дня и только летом, и то — не каждый день. Но Крис не жаловался. Он говорил, что ему нравится полумрак: «В темноте вещи честнее. При ярком свете все трещины прячутся, а тут они показывают, где болит».

У Криса был пёс. Звали его Гвоздь.

Это имя досталось псу не за характер и не за упрямство, а буквально: когда Крис нашёл его — щенка, сидящего в картонной коробке у входа в мастерскую, — тот грыз ржавый гвоздь. Гвоздь был средней длины, сильно ржавый и, по всем ветеринарным нормам, не должен был никому принад-

лежать. Но щенок был с ним неразлучен, и Крис решил не спорить с существом, у которого такие серьёзные принципы.

Гвоздь вырос в крупного, угловатого пса неопределённой породы — что-то среднее между овчаркой, лайкой и существом из скандинавских сказок. У него была густая серая шерсть, одно стоячее и одно лежащее ухо и глаза такого цвета, который нельзя описать одним словом: они были как дождливое небо Петербурга — то серые, то голубые, то почти чёрные.

Гвоздь видел настроение.

Опять же — не в простом смысле. Он *видел* его. Для него эмоции имели цвет и форму. Спокойствие было ровной серой пеленой — уютной, тёплой, как одеяло. Раздражение — рыжим мельтешением, мошками перед глазами. А одиночество — белым цветом. Чистым, ослепительным, холодным. Снегом, который падает и падает, и некому его остановить.

Крис не знал об этом. Он думал, что Гвоздь просто меланхолический пёс, который любит лежать у двери и смотреть, как идёт дождь. На самом деле Гвоздь смотрел не на дождь. Он смотрел на снег одиночества, который Крис носил в себе, и пытался понять, как его растопить.

Потому что у Гвоздя была своя беда. Он видел, что цветовая картина Криса — неполная. В ней не хватало одного оттенка. Тёплого, рыжего, осеннего — такого, какой бывает у листьев клёна в первых числах октября, когда они ещё не сдались, ещё горят.

Гвоздь не знал, где этот цвет.
Но он узнал бы его, если бы увидел.

Глава третья. Первая попытка

Липа слышал его первым.

Это случилось в воскресенье, в середине сентября, когда Петербург ещё не решил, какое он сейчас время года — и потому устраивал всё сразу: солнце сквозь облака, ветер, пахнущий дымом, и радугу, которая повисла над мостом Лейтенанта Шмидта, словно город случайно уронил её из кармана.

Эми вышла с Липой на прогулку. Да, она выгуливала кота. На поводке. Это выглядело странно и даже немного нелепо — рыжий кот на тонком кожаном поводке, шагающий по набережной с видом аристократа, вынужденного гулять с плебеями, — но Эми давно перестала стесняться. В городе, где люди разговаривают с памятниками и здороваются с мостами, кот на поводке — мелочь.

Липа шёл и вдруг замер. Уши встали. Хвост распушился. Он повернул голову на восток, в сторону Петроградской стороны, и Эми увидела, как что-то изменилось в его взгляде — он стал прозрачным и огромным, как у существа, которое слышало то, что искало всю жизнь.

Звук.

Далёкий, едва различимый, но безошибочный. Низкий, ровный, тёплый. Не гул, не стон — скорее контрабасовая нота, которая звучала под всем городом, под гранитом, под во-

дой, под мостами. Нота одиночества. Но не её одиночества — чьего-то другого.

Чьего-то, кому она была нужна.

Липа рванулся. Поводок натянулся. Эми споткнулась, выронила книжку (Магритт, «Ведьмы Большого Киева» — она перечитывала его в пятый раз и каждый раз находила новый слой), и пока поднимала книжку, Липа вывернулся из ошейника.

— Липа! — крикнула Эми.

Кот бежал по набережной, оранжевая молния на фоне серого гранита. Он бежал так, как будто знал дорогу. И, возможно, знал — не в том смысле, в каком знают дороги люди, а в том, в каком их знают птицы, летящие на юг.

Но город не любит, когда кто-то слишком торопится.

Липа добежал до перекрёстка и чуть не попал под велосипед. Велосипедист — молодой человек в жёлтой куртке, из тех, кто ездит на скорости и считает пешеходов досадной помехой, — резко вывернул руль, выругался и уехал. Липа отпрыгнул на тротуар, спрятался под припаркованную машину и отказался выходить.

Когда Эми нашла его — под старым «Мерседесом» с дипломатическими номерами, в луже, пахнувшей бензином и осенью, — он уже не слышал ноту. Она исчезла. Может быть, расстояние стало слишком большим. Может быть, звук поглотил город — Петербург умеет поглощать звуки, как губка, особенно те, которые важны.

Липа мякнул. Не жалобно — раздражённо. Как существо, которому помешали.

Эми подняла его, посадила в сумку, и они пошли домой.

А на другом конце города Гвоздь поднял голову с лап и тихо заскулил.

Глава четвёртая. Пёс и запах

Гвоздь учуял его на следующий день.

Крис вышел с ним гулять — в семь утра, когда город ещё спит и мосты разведены, и всё вокруг такое тихое, будто кто-то нажал на паузу. Они шли по Каменноостровскому проспекту, мимо зданий, которые помнят дореволюционные танцы и революционные выстрелы, мимо деревьев, которые роняли листья с такой неохотой, будто отдавали последнее.

Гвоздь шёл рядом, как обычно, — спокойно, без цели, просто потому, что пёс должен гулять, а не потому, что ему это нравится. Но у перекрёстка с улицей Мичурина он остановился. Ноздри раздулись. Хвост, обычно висящий как тряпка, дрогнул и приподнялся.

Запах.

Нет, не запах. Цвет. Гвоздь увидел цвет, а цвет имел запах, и запах имел форму, и всё это вместе было так неожиданно, что Гвоздь заскулил — от избытка чувств, от невозможности описать то, что видел.

Рыжий. Тёплый. Осенний. Цвет кленовых листьев, горящих на солнце. Цвет, которого не хватало в картине Криса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.